

Украина: неутраченные иллюзии

Украина плохо использовала возможности, которые открылись перед ней в 1991-м и в 2004 году. Быть может, на этот раз изменение взаимоотношений между властью и обществом не останется «великой» иллюзией | **ТАТЬЯНА ВОРОЖЕЙКИНА**

От того или иного исхода украинского кризиса будет зависеть не только судьба и целостность украинского государства, но и способность Европы и Запада в целом отстаивать те ценности, которые они провозгласили и защищали после Второй мировой войны, а также доверие к этим ценностям в мире. От исхода украинского кризиса будет в решающей мере зависеть и судьба модернизации российского общества: сохранятся ли в нем те, пока еще слабые и фрагментарные тенденции к самоорганизации и отделению от государства, которые наметились в последние два десятилетия, или же возрождение имперской политики и шовинистическая консолидация населения вокруг самодержавной власти в очередной раз эти тенденции разрушит.

Предлагаемый вниманию читателя текст представляет собой сугубо предварительную попытку понять происходящее в Украине под углом зрения центральной для становления современного общества проблемы — его взаимоотношений с государством. Смысл украинской революции, как он видится многим ее участникам и наблюдателям, заключается не только в протесте отчаявшегося населения (или значительной его части ¹) против авторитарного коррумпированного режима, но и в очевидном стремлении общества установить новые отношения между собой

и властью. Гражданское общество в Украине на наших глазах предприняло колоссальный рывок — попыталось перейти от положения подданных полновластного государства, по собственному произволу распоряжающегося экономикой страны и судьбами людей, к отношениям полноправных граждан с подотчетной им властью. С самого начала противостояния в Киеве осознанной целью протестующих было коренное изменение политической системы, создание прозрачных и проницаемых государственных институтов и правил игры, одинаковых для всех. Майдан, по мнению Юлии Мостовой, представлял собой беспрецедентный в истории страны опыт самоорганизации: незнакомые люди, говорящие на разных языках, с разными политическими убеждениями вышли на улицу для того, чтобы изменить характер отношений между людьми и государством. Различия — политические, лингвистические, религиозные и иные — не стали препятствием для коллективного гражданского действия. Защита достоинства граждан и вера в демократию как способ отстоять это достоинство и составили главную человеческую доминанту Евромайдана ².

По своему гражданскому, демократическому содержанию киевский Майдан ноября 2013 — февраля 2014-го является важнейшей составной частью общемирового феномена,

суть которого в самоорганизации общества, выступающего против политической системы, неспособной выражать интересы этого общества. В 2011–2014 годах протестные выступления такого типа, хотя и с разной степенью интенсивности, распространились от Рио-де-Жанейро, Сан-Пауло и Каракаса до Мадрида, Туниса, Каира, Софии, Стамбула, Москвы и Бангкока. Все эти протестные движения объединяло острое недовольство сложившимися институтами, которые не позволяют людям добиваться своих целей с помощью легальных политических каналов. Это коснулось как авторитарных (в Венесуэле, Украине, России и арабских странах), так и демократических (в Бразилии и Испании) политических режимов. В большинстве случаев протест против коррупции, пронизывающей государственные институты и правящие группы, становился важнейшим фактором, объединявшим тех, кто вышел на улицы. В этом протесте слились самые разные требования — от социальной справедливости и большего равенства до демократии и честных выборов. Описываемые движения невозможно адекватно понять в традиционной «право-левой» системе координат. Десятки, а то и сотни тысяч людей выходят на улицу, побуждаемые в первую очередь острым чувством неприятия политического устройства, в котором они, по сути дела, лишены права голоса. Непроницаемость политики для человека, отсутствие его в политической системе повсеместно и, как правило, неожиданно, начали приводить к массовому присутствию людей на улицах. Людей, которые добиваются, чтобы их признали полноправными акторами и протагонистами политики, а их цели и интересы — общественно значимыми.

Очевидно вместе с тем, что киевский Майдан представляет собой уникальное явление на фоне этих, общемировых тенденций. Во-первых, большинство этих движений, за исключение Туниса и Египта, не смогли

достичь своих целей. Как отмечает венесуэльский публицист Мойсес Наим, «существует огромная диспропорция между колоссальной политической энергией этих демонстраций и их крайне незначительными практическими результатами»³. В Украине результат налицо — протестующие свергли авторитарный режим, добились смены политической власти в стране. Во-вторых, киевский Майдан оказался самым долговременным и, наверное, самым массовым из подобных движений: он три месяца успешно противостоял давлению и насилию со стороны представителей власти, привлекая в моменты наивысшего подъема от полумиллиона до миллиона человек. В-третьих, именно в Киеве люди продемонстрировали исключительное упорство и стойкость, массовую готовность идти до конца и даже умирать за свои цели, что, в конечном счете, и решило исход противостояния с режимом президента Виктора Януковича.

Почему это произошло? В чем заключается специфика украинской ситуации, позволившая привести украинскую революцию к победе, по крайней мере, на ее первом этапе, и свергнуть старый режим?

Ясно, что кризис постсоветской модели развития — сочетание электорального авторитаризма с фактической приватизацией государства правящими и господствующими группами, ничем не ограниченной коррупцией, деградацией государственных и общественных институтов и нарастающей полицейщиной в качестве средства воздействия власти на общество — принял в Украине наиболее острые формы. Вот как описывает этот процесс украинский исследователь Ярослав Пилинский: «После распада СССР государственные институты, созданные в советский период, стали постепенно деградировать. Началась тотальная коммерциализация всех и вся. Во времена президентства Кучмы, когда в стране начали появляться

первые олигархи, стало ясно, что буквально все в государстве продается — даже высшие государственные посты и должности в правоохранительных органах. По сути, украинское государство добровольно утратило — или скорее продало — монополию на насилие. Чиновники высшего эшелона делегировали или продали часть этого права в низшие инстанции — районные суды, райотделы милиции, районные прокуратуры, в налоговую, таможенную и т. д. После того как прокуратура, суды и милиция превратились в

конкурентного выяснения их сравнительного влияния в обществе. Поэтому президентские выборы в Украине стали средством смены, чередования различных политических и олигархических групп у власти, что ни разу не удалось сделать в России. Здесь преемственность власти с 1999-го обеспечивалась гораздо более грубым способом — назначением преемника действующим президентом, а согласование интересов правящих и господствующих групп — путем вертикального соподчинения и «выстраивания» элит.

“При всей слабости политической системы выборы в Украине выполняли свою функцию — механизма обезличенного, публичного согласования интересов внутри правящих групп”.

коммерческие структуры, а соответствующие должности стали источником обогащения, право перестало выполнять функцию обеспечения безопасности, свободы, собственности и жизни граждан, а поэтому перешло в свою противоположность. Теперь любой, у кого больше денег, получил возможность безнаказанно посягать на свободу, собственность или даже жизнь гражданина Украины»⁴.

Очевидно, что эта картина всеобщей продажности и бесправия не слишком отличается от российской как в 1990-е, так и в 2000-е годы. Важнейшее и принципиальное отличие от России состоит, однако, в плюрализме правящих и господствующих групп, который сохранялся в Украине на протяжении всего периода независимости. Исполнительной власти не удалось поставить под контроль украинские элиты как политические, так и экономические — ни при Кучме, ни при Ющенко, ни при Януковиче. При всей слабости политической системы выборы в Украине в целом выполняли свою важнейшую «шумперианскую» функцию — механизма обезличенного, публичного согласования интересов внутри правящих и господствующих групп и

Попытка президента Леонида Кучмы в 2004 году организовать передачу власти по российскому сценарию плебисцитарного одобрения назначенного преемника обернулась политическим кризисом и «оранжевой революцией». Майдан 2004-го был организован сторонниками Виктора Ющенко и Юлии Тимошенко; смена элит у власти, в целом, показалась участникам протеста достаточным результатом. Это, однако, не привело в 2005–2009 годах к сколько-нибудь существенным реформам, созданию эффективных государственных институтов, обеспечению правовой защиты для граждан и предпринимателей⁵. Напротив, ожесточенная борьба между двумя главными фигурами режима и бесконечные коррупционные скандалы фактически блокировали проведение политических и институциональных реформ. Отсутствие реформ власти пытались компенсировать символическими действиями — своей основной задачей Ющенко сделал укоренение исторической памяти о Голодоморе 1932–1933 годов⁶. Надежды тех, кто в 2004-м поддержал «оранжевую» коалицию, не сбылись; последствием стало разочарование и дезо-

ориентация сторонников демократических реформ в Украине — и победа, хотя и с минимальным перевесом, Виктора Януковича на президентских выборах 2010 года.

При Януковиче, как отмечают украинские исследователи, коррупция стала безудержной и тотальной. Покупка должностей и парламентских мандатов превратилась в обычную практику, обеспечивающую бенефициарам выгодные государственные контракты. Более того, президент и его семья в нарушение всех негласных межэлитных соглашений и правил начали ускоренно подминать под себя наиболее прибыльные сферы экономической деятельности, а также силовые структуры, налоговую службу, судебную систему. Старший сын президента за год стал одним из пяти богатейших людей Украины. В условиях экономической стагнации, низкого жизненного уровня и просто бедности, выталкивающей за границу десятки тысяч украинских мужчин и женщин в поисках заработка, зачастую очень тяжелого ⁷, столь неприкрытое обогащение клана Януковича за счет государственного бюджета неизбежно порождало яростное и все более отчаянное недовольство. Оно распространялось как среди предпринимателей, в особенности мелких и средних, так и обычных граждан. По меткому выражению Николая Вольнко, главы Независимого профсоюза горняков Донбасса, «на Майдан вышли налогоплательщики, которые не хотели, чтобы их дальше грабили» ⁸. Не случайно, предприниматели составляли одну из самых многочисленных профессиональных групп на Майдане — в начале февраля они составили 17 проц. от участников протестов (по результатам опроса, проведенного Фондом «Демократические инициативы им. Илька Кучерива» и Киевским международным институтом социологии) ⁹. В целом же доверие к власти, ее лицам и институтам было в начале 2014-го крайне низким: парламенту не доверяли 81 проц. населения, пра-

вительству — 75, милиции — 77, судам — 80, Януковичу — 66 процентов ¹⁰.

Роль катализатора, который превратил гражданское недовольство в активный политический протест, сыграло Соглашение об ассоциации Украины с Европейским союзом, точнее — маневры украинской власти вокруг его подписания, ожидавшегося 28–29 ноября 2013 года на саммите «Восточного партнерства» в Вильнюсе. Как отмечает Владимир Паниотто, директор Киевского международного института социологии, с сентября 2013-го неожиданно началась активная пропаганда Европейского союза, и лидеры правящей Партии регионов, «до этого всегда выступавшие оппонентами проевропейской оппозиции, вдруг стали активно поддерживать ее в вопросе интеграции Украины в Европу... После активной пропагандистской кампании подготовки к этому событию (принятия ряда необходимых законов в парламенте) общество поверило в реалистичность этого подписания» ¹¹. В результате доля сторонников присоединения Украины к ЕС составила в сентябре 2013 года 57 проц. а противников — 43 процента. К ноябрю 2013-го после того, как российские власти и подконтрольные им СМИ провели мощную кампанию экономического и политического давления на Украину с целью заставить ее отказаться от европейского выбора, доля выступающих «за» присоединение Украины к Евросоюзу снизилась до 54 проц., «против» — выросла до 46 процентов ¹². По мнению Паниотто, «в Украине около трети населения являются твердыми сторонниками ЕС, столько же убежденных сторонников союза с Россией, мнение же остальных ситуативно, и при высокой монополизации СМИ достаточно легко управляется властью» ¹³.

Очевидно важнейшее символическое значение «Европы» для самоопределения и объединения той части украинского общества, которая выступала против нарастаю-

шего авторитаризма и коррупции власти. Европейский выбор, сближение с ЕС, выглядел для этих людей как путь постепенного создания в Украине прозрачных политических и экономических институтов, которые были бы подконтрольны обществу, а не олигархическим кланам. Одновременно для жителей Центрального и в особенности Западного регионов Украины соглашение об ассоциации с ЕС и, в частности, облегчение визового режима для ее граждан открывало возможности и для улучшения их сегодняшнего экономического положения, поскольку именно Европа стала главным направлением трудовой миграции жителей этих регионов. Напротив, для населения промышленных регионов Юга и, особенно, Востока Украины свертывание экономических связей с Россией — угроза, звучавшая в заявлениях российских официальных лиц, означала неминуемое закрытие предприятий, безработицу и потерю средств к существованию и в без того бедных и дотационных областях. Дискуссия об ассоциации с ЕС вновь обострила традиционный для Украины раскол между Центром и Западом, с одной стороны, и Юго-Востоком — с другой. Одновременно все более явным становилось и то, что для Януковича и его команды торг с Россией и ЕС по поводу соглашения об ассоциации представлял дополнительные возможности для давления и на ту, и на другую сторону.

21 ноября 2013 года премьер-министр Украины Николай Азаров объявил, что Украина приостанавливает процесс подготовки к подписанию соглашения об ассоциации с ЕС. Это решение послужило спусковым механизмом для начала массового протестного движения, которое спустя три месяца привело к свержению режима Януковича. Это движение — киевский Евромайдан — прошло через несколько этапов, различающихся по характеру требований, социальному составу

участников и радикальности методов борьбы, что позволяет говорить о трех разных, хотя и взаимосвязанных типах протеста.

Первыми по призыву общественных организаций на площадь Независимости в Киеве вышли по преимуществу молодые люди, студенты, к которым затем присоединились несколько десятков тысяч сторонников евроинтеграции. Возник многолюдный Майдан-митинг, участники которого в конце ноября начали по примеру 2004-го устанавливать палатки. 30 ноября несколько сотен бойцов спецподразделения МВД «Беркут» силой разогнали митинг на Майдане, при этом они не только вытесняли митингующих студентов с площади, но и избивали их дубинками и ногами¹⁴. Расправа над студентами, видеозаписи которой были показаны телевизионными каналами и распространялись в интернете, вызвала массовое возмущение: уже на следующий день по призыву лидеров оппозиционных партий — Арсения Яценюка («Батькивщина»), Виталия Кличко («Удар»), Олега Тягнибока («Свобода») — в Киеве прошла огромная демонстрация. На Майдан вышло около 500 тыс. человек с требованиями прекратить репрессии, наказать виновных в избиениях и освободить арестованных. Во время этого митинга протестующие заняли здания Киевской городской администрации и Дома профсоюзов. Кроме того, группа молодых людей в масках (по одной версии, активистов «Свободы» и «Правого сектора», по другой — провокаторов «титишеск»), вооруженных палками, цепями и баллончиками с газом, напала на охрану администрации президента, что дало повод «Беркуту» вновь начать жестокое избиение невооруженных протестующих. Эти события вызвали дальнейшую радикализацию протестного движения: в следующее воскресенье, 8 декабря, на Майдан и прилегающие улицы вышло по разным оценкам от 700 тыс. до миллиона человек, потребовавших отстав-

ки правительства и президента. К середине декабря Майдан приобрел характер стационарного лагеря протестующих, который в случаях обострения ситуации превращался в многотысячное «вече».

Первоначально, гражданская мобилизация на Майдане носила в основном спонтанный характер. По данным социологического опроса, проведенного 7–8 декабря Фондом «Демократические инициативы имени Илька Кучерива» и Киевским международным институтом социологии, более 90 проц.

опросу, проведенному киевскими социологами 20 декабря, уже 15 проц. митингующих принадлежало к политическим партиям. Увеличилась и доля тех, кто принадлежал к общественным организациям (до 9 проц.) и движениям (до 6 проц.), в то время как доля тех, кто не относил себя к каким-либо объединениям, сократилась до 70 процентов¹⁶. Первого декабря был создан Штаб национального сопротивления, куда вошли представители трех оппозиционных партий, однако он так и не смог стать единым центром, коорди-

“Европейский выбор выглядел для этих людей как путь постепенного создания в Украине прозрачных политических и экономических институтов”.

не причисляли себя ни к каким партиям или объединениям¹⁵. Самоорганизация не только преобладала над руководством со стороны парламентских партий, но и была принципиальной позицией многих общественных ассоциаций, которые стремились обозначить свою независимость от лидеров и партий парламентской оппозиции. Изначальное недоверие значительной части протестующих к политикам было связано с очевидным нежеланием повторять опыт 2004-го, когда массовые выступления были использованы оппозицией для прихода к власти, но не привели к экономическим и политическим реформам. Вместе с тем ни в этот период, ни позже на Майдане не возникло новых, устойчивых структур общественной самоорганизации, подобных польской «Солидарности» или Партии трудящихся в Бразилии, которые смогли бы эффективно трансформировать антиавторитарный общественный протест в политический, хотя общественный запрос на такого рода структуры в Украине был очень сильным.

С начала декабря присутствие партийной оппозиции на Майдане усиливается: согласно

нирующим протестное движение в стране. Как отмечает председатель Украинского института национальной памяти, историк и колумнист Владимир Вятрович, «(Штаб) не мог отображать реальную структуру протеста, с самого начала выходявшего далеко за рамки оппозиционных партий. Впрочем, таким органом не стал и Совет всеукраинского объединения “Майдан”, хотя включал, кроме партийцев, и представителей общестственности»¹⁷. Иначе говоря, с первого месяца противостояния в Украине стало очевидным колоссальное несоответствие между уровнем протестной волны и способностью оппозиции как политической, так и гражданской создать эффективные структуры, которые могли бы послужить прообразом новой демократической власти¹⁸.

Беспартийный, спонтанный характер протеста в Украине был непосредственно связан с беспрецедентной широтой социального и географического представительства различных слоев населения страны на Майдане. По замечанию Антона Олейника, «впервые в постсоветском пространстве мы можем наблюдать пример низовой мобилизации столь вну-

шительных масштабов... На Майдан вышли не только представители “нового креативного класса” — главной надежды российских либералов. На Майдане 2013–2014 года они смешались с мелкими предпринимателями, интеллигенцией (учителями, инженерами), рабочими и селянами. Майдан действительно представлял собой социологический срез украинского общества, а не узкой прослойки городских “лишних людей”¹⁹. Большинство вышедших на Майдан имели высшее образование: таких было 63 проц. на Майдане-митинге и 49 проц. — на Майдане-лагере.

“Пока протестные действия сохраняли ненасильственный характер, протестующие наращивали моральное и политическое превосходство над противостоящими им силами”.

С точки зрения социально-профессионального состава на Майдане были представлены специалисты (40 проц. на Майдане-митинге и 22 проц. на Майдане-лагере), студенты (13 и 10), рабочие (7 и 14), предприниматели (9 и 12), пенсионеры (9 проц. и 11 проц. соответственно). Одновременно с превращением протеста из городского и интеллигентского в общенародный расширилось и социально-географическое представительство: доля киевлян, которые на Майдане-митинге составляли половину участников, снизилась до 19 проц. на Майдане-лагере. Соответственно, доля приезжих выросла с 50 до 81 процента. При этом 32 проц. последних приехали из областных центров, 23 — из больших городов (не менее 100 тыс. жителей), 23 — из небольших городов (менее 100 тыс. жителей), 22 проц. — из села; 42 проц. Майдана-лагеря представляли приезжие из Западной Украины, 34 — из Центральной и 23 проц. из Восточной и Южной²⁰. (Более подробные данные о социальном составе участников Майдана см в статье Владимира Фесенко в этом номере журнала на с. 26–35).

Несмотря на растущее присутствие на Майдане различных отрядов самообороны, как праворадикальных, так и гражданских²¹, до 19 января 2014-го протестные действия сохраняли по преимуществу ненасильственный характер, что позволяло протестующим наращивать моральное и политическое превосходство над противостоящими им властями и полицейскими силами. По мнению Владимира Вятровича, «наибольшим достижением протеста до 19 января стало то, что Майдан получил статус субъекта политического процесса. Субъекта, с которым вынуж-

дены считаться все: оппозиция, власть, даже далекий и часто равнодушный мир. Едва ли кто-то из них предполагал, что незначительное общественное возмущение в конце ноября может настолько изменить их повестку дня и планы на будущее. Теперь никто их трех игроков не может быть уверен, что удастся тихо «порешать» все проблемы и народ проглотит результаты закулисной деятельности. «Изменилась вся Украина, продемонстрировав образцы самоорганизации, жертвенности, солидарности. Эти изменения зацепили и людей, прошедших через Майдан.., и только наблюдавших, и даже его не поддерживавших. Все они поняли, что ни одна, даже самая масштабная и дорогая имитация активности, не может сравниться с деятельностью идейно мотивированных людей»²².

Окруженный баррикадами, то сжимающийся под напором «Беркута», то опять расширяющийся на прилегающие улицы, Майдан успешно противостоял попыткам режима не только разогнать его, но и противопоставить ему сколько-нибудь эффективное провластное движение («Антимайдан»

в Мариинском парке). Продемонстрированная протестующими массовая готовность сопротивляться полицейскому насилию и настаивать на своих требованиях к середине января похоронила надежды режима на то, что люди в конце концов устанут и ситуация разрешится сама собой. В этих условиях власти сделали шаг, оказавшийся в конечном счете роковым для судьбы режима: 16 января 2014 года Верховная рада приняла пакет законов, криминализирующих именно ненасильственные методы сопротивления власти²³. В спешке приняв эти законы — депутаты проголосовали за них простым поднятием рук и фактически без ознакомления, — власть попыталась запугать тех, кто на протяжении почти двух месяцев упорно сопротивлялся силовому давлению. Эта неуклюжая попытка вызвала среди протестующих взрыв возмущения, а наиболее активную их часть побудила перейти к насильственным действиям.

19 января 2014-го несколько сотен тысяч человек собрались в Киеве на народное вече. Представители оппозиции заявили, что власть намерена установить в Украине авторитарную диктатуру, и потребовали созыва Народной рады вместо скомпрометировавшей себя Верховной рады, отставки Януковича и досрочных выборов президента. После окончания митинга несколько сотен протестующих, вооруженных дубинками, камнями и коктейлями Молотова пошли на штурм охраны правительственного квартала, расположенного на улице Грушевского. В ходе все более ожесточенных столкновений полиция применяла водометы и светозумовые гранаты, а протестующие — камни и бутылки с зажигательной смесью. Появились десятки раненых с обеих сторон, а 22 января стало известно о трех оппозиционерах, погибших от огнестрельных ран. Кроме того, в лесу со следами избиений и пыток было обнаружено тело львовянина Юрия Вербицкого, похищенного милицией накануне

не из больницы вместе с выжившим Игорем Луценко. С этого времени похищения людей, в особенности раненых, из больниц становятся обычной практикой репрессивных структур²⁴. В это же время в Интернете появилась видеозапись, на которой милиция на морозе издевается над раздетым догола активистом Майдана. В такой ситуации радикализация Майдана стала практически неизбежной: столкновения на улице Грушевского и Институтской, захваты протестующими правительственных зданий продолжались до конца января, несмотря на начавшиеся переговоры Яценюка и Кличко с Януковичем и попытки лидеров оппозиции снизить накал противостояния.

К тому времени как на Грушевского началась, по сути дела, настоящая война, облик Майдана существенно изменился: ошетинившийся со всех сторон баррикадами, напрягшийся в постоянном ожидании нападения, Майдан-лагерь превратился в Майдан-сечь²⁵, по образу походного лагеря запорожских казаков. Иным стал внешний вид и во многом внутренний мир протестующих: «...Типичным представителем стал вооруженный палкой и щитом среднего возраста мужчина в шлеме (военном, велосипедном, мотоциклетном)... Появились люди, которых без каких-либо преувеличений можно назвать профессиональными революционерами — они перешли свою грань невозвращения и теперь понимают, что перед ними лишь две перспективы: победа или тюрьма. Именно они стали главным генератором решительности»²⁶. Соответственно изменился и социально-демографический состав активистов Майдана: по сравнению с Майданом-лагерем середины декабря, в начале февраля на Майдане-сечи несколько сократилась доля людей с высшим образованием — с 49 до 43 проц., хотя все равно этот процент был выше, чем в среднем по стране. Выросла доля специалистов с высшим и средним специаль-

ным образованием — с 22 проц. до 27 проц., существенно прибавилось предпринимателей (17 против 12 проц.), как и раньше были представлены рабочие (15 проц.), несколько меньше стало студентов (с 10 до 6 проц.) и пенсионеров (с 11 до 7 процентов). Особенно сильно изменился к началу февраля географический состав Майдана: доля киевлян упала с 19 до 12 проц., доля приезжих выросла с 81 до 88 процентов. Больше половины приезжих (55 проц.) составляли жители Западной Украины, из Центральной Украины приехали 24 проц., с Востока и Юга — 21 процент. При этом почти вдвое — с 23 до 42 проц. — выросла доля жителей небольших (до 100 тыс.) городов за счет выходцев из областных центров (их доля сократилась с 32 до 20 проц.) и крупных городов (с 23 до 17 процентов). Майдан стал, таким образом, более провинциальным, более «западным» и несколько более организованным — до 14 проц. увеличилась доля тех, кто принадлежал к общественным движениям. Однако 70 проц., как и ранее, не относили себя ни к каким партийным или общественным объединениям²⁷.

В это время формируется и организационная структура Майдана: аморфное гражданское сопротивление превратилось в военную самооборону. «Самооборона, по словам заместителя коменданта Майдана Андрея Левуса, — это скорее революционная армия, чем революционная милиция. Это необходимо, поскольку противодействовать этой системе власти можно только слаженно и организовано. Времена флэшмобов и танцев, которые были до разгона Евромайдана, уже прошли. А после событий на улице Грушевского совершенно очевидно, что дисциплина и координация являются высшими требованиями, которые к нам предъявляет нынешняя ситуация»²⁸. С конца января 2014 года на Майдане действовало 10–12 тыс. бойцов, объединенных в сотни по идеологическому, географическому и даже этническому

принципу. При этом сотни сохраняли свой самоуправляющийся характер. По словам Левуса, «никто за время существования Самообороны не назначил ни одного сотника — люди сами организовывались, приходили и говорили: вот наш старший, и мы хотим быть с вами»²⁹.

Наибольшую и по преимуществу отрицательную известность из 40 сотен, действовавших на Майдане, получила 23-я сотня «Правого сектора» — объединения до этого мало кому известных радикальных националистических организаций. Хорошо экипированные бойцы «Правого сектора» оказывались (или объявляли себя) инициаторами и участниками большинства силовых акций, в том числе и переломивших ход событий на Майдане в январе–феврале 2014 года. Лидер «Правого сектора» Дмитрий Ярош, охотно дававший интервью, в том числе и российской прессе, не оставлял сомнений в том, что главной целью возглавляемой им организации было «государство украинской нации, где будут соблюдены права и свободы каждого гражданина». При этом речь шла отнюдь не о политической нации, о которой говорили лидеры парламентской оппозиции и гражданских движений. «Коренная нация, украинцы — хозяева, поскольку другой страны у нас нет, как нет у немцев или французов. Но мы выступаем не с позиции ксенофобии, а за обеспечение условий национальным меньшинствам, правда, только тем, что уважают нашу землю»³⁰. Позиция радикальных националистов открыто и полностью противоречила тем европейским ценностям, которые протестующие отстаивали на Евромайдане. «Подписывать Ассоциацию с ЕС надо, это открывает определенные возможности и отдаляет от России. Но мы категорически против полноправного членства в Евросоюзе. Бюрократический брюссельский монстр слишком много негатива навязывает народам! Антихристианскую политику, нивелирование

национальной идентичности, разрушение традиционной семьи и так далее»³¹.

Несмотря на то, что «Правый сектор» представлял собой лишь одну из 40 сотен, действовавших на Майдане, именно он, во многом благодаря усилиям официальной российской пропаганды, был превращен в символ или, точнее, в жупел «фашистско-бандеровской» угрозы, идущей с Майдана. Между тем многие украинские наблюдатели и исследователи обращают внимание на темное происхождение «Правого сектора»,

новыми прозрачными общественными и политическими институтами, за которые первоначально выступил Евромайдан. Элементы, зачатки таких институтов могли возникнуть только в процессе борьбы с авторитарным режимом, в ходе сопутствующего ей процесса гражданской самоорганизации. Она приняла, как видим, совсем другие, гораздо более традиционные формы. Это обстоятельство усиливалось, как мне кажется, еще и тем влиянием, которое представители старых, хотя и оппозиционных режиму

“Позиция радикальных националистов открыто и полностью противоречила тем европейским ценностям, которые протестующие отстаивали на Евромайдане”.

на открыто провокационный характер его действий, на непонятные источники весьма щедрого финансирования, получаемого им³². По мнению многих в Украине, реальная роль «Правого сектора» в противостоянии режиму Януковича очень сильно — и злонамеренно — преувеличена с тем, чтобы исказить подлинно демократическое содержание украинской революции³³. Вместе с тем верно и другое — символика Украинской повстанческой армии и в особенности лозунг «Слава Украине! Героям Слава!», до этого использовавшийся только радикально-националистическими организациями, перестал восприниматься в качестве такового и превратился в лозунг всего Майдана.

Таким образом, силы самообороны и стали той формой военно-политической организации, которую породила радикализация Майдана. Элементы гражданской самоорганизации — кухня, сцена, медпункты — имели второстепенный, вспомогательный характер. Понимая естественность и практическую неизбежность этого процесса, следует признать, однако, что возникшие военизированные структуры имели мало общего с теми

Януковича, сил оказывали в ключевых точках и ситуациях. Это касалось некоторых профессиональных политиков и депутатов Верховной рады, входивших в комендатуру Штаба национального сопротивления, которые после свержения режима заняли ключевые должности в государственном аппарате. Наиболее заметными фигурами этого ряда стали Андрей Парубий, комендант Майдана и руководитель сил Самообороны, депутат Верховной Рады сначала от блока «Наша Украина», затем, после 2012 года — от партии «Батькивщина», нынешний секретарь Совета национальной безопасности и обороны Украины; и Александр Турчинов, начальник Штаба национального сопротивления и координатор массовых выступлений на Майдане в декабре 2013-го, бывший председатель Службы безопасности Украины и вице-премьер в правительстве Тимошенко, исполнявший после свержения Януковича обязанности Президента Украины.

Это реальное влияние некоторых оппозиционных политиков парадоксальным образом противоречило тому почти всеобщему отторжению лидеров политической оппози-

ции, с которым они все больше сталкивались на Майдане. Переговоры Яценюка и Кличко с Януковичем в самый острый период противостояния на улице Грушевского в 20-х числах января дискредитировали лидеров оппозиции в глазах протестующих; достигнутая ими договоренность об освобождении арестованных при условии разблокирования правительственного квартала и улицы Грушевского была отвергнута на народном вече. Большинство собравшихся на Майдане (63 проц.) по опросам начала февраля выступили против любых переговоров с властью;

уступки в ходе переговоров, несмотря на то что лидеры оппозиции отказались войти в правительство и тем самым разделить с режимом ответственность. 28 января, в соответствии с достигнутой на переговорах договоренностью, Верховная рада проголосовала за отмену 9 из 11 «диктаторских законов». Одновременно ушел в отставку глава кабинета министров Николай Азаров, один из наиболее жестких деятелей режима, несший символическую ответственность за отказ от подписания соглашения об ассоциации с ЕС. 29 января Верховная рада приняла закон об

“Влияние Майдана и в особенности его военизированной составляющей становится решающим в ключевой фазе развития кризиса — в феврале 2014 года”.

68 проц. считали, что единственное требование, которое могло удовлетворить Майдан, заключалось в отставке Януковича и проведении досрочных президентских выборов³⁴. 25 января Янукович предложил Яценюку возглавить правительство, а Кличко стать вице-премьером по гуманитарным вопросам. Принятие такого предложения означало бы полный разрыв с Майданом, где 62 проц. протестующих считали, что «пока Президентом является Виктор Янукович, соглашаться на какое-то участие в правительстве нельзя», а 22 проц. полагали, что «можно соглашаться лишь тогда, когда будет возвращение к нормам Конституции 2004 года, с ограничением полномочий Президента и усилением роли премьер-министра и правительства»³⁵.

Иначе говоря, лидеры политической оппозиции вызывали на Майдане нарастающее раздражение и недоверие именно в тот период, когда политический кризис в стране вступил в открытую фазу. Потеряв поддержку влиятельных олигархических групп, в том числе внутри собственной Партии регионов, Янукович был вынужден идти на серьезные

амнистии участников протестных действий, который должен был вступить в действие при условии освобождения протестующими захваченных административных зданий. Все это не было расценено собравшимися на Майдане даже как частичная победа: их могла устроить только отставка Януковича и досрочные президентские выборы. К концу января стало очевидно, что протестующие готовы стоять до конца, что попытки разогнать Майдан силой натолкнутся на сопротивление и приведут к серьезному кровопролитию.

Таким образом, влияние Майдана и в особенности его военизированной составляющей становится решающим в ключевой фазе развития кризиса — в феврале 2014 года. Майдан подпирает снизу и подталкивает к более радикальным действиям парламентскую оппозицию, которой противостоит все более слабый и теряющий поддержку традиционных союзников режим. В начале февраля Кличко и Яценюк предложили Верховной раде проголосовать за возвращение к конституции 2004-го, предусматривавшей парламентско-президентскую форму правления

в Украине. При этом условии Яценюк соглашался возглавить кабинет министров, который был бы сформирован исключительно из представителей оппозиции. 18 февраля оппозиция намеревалась добиться от Верховной рады регистрации своего законопроекта о восстановлении конституции 2004 года. Это требование было поддержано мирным маршем нескольких тысяч протестующих к зданию парламента. Столкнувшись с перегороженными грузовиками проходами, отряды самообороны начали забрасывать полицию камнями и бутылками с зажигательной смесью, на что милиция ответила светошумовыми гранатами и слезоточивым газом.

С этого момента противостояние приобретает необратимый характер. Воспользовавшись новым обострением, режим предпринимает самую серьезную попытку вытеснить протестующих с занимаемых ими позиций. В ночь с 18 на 19 февраля, когда служба безопасности Украины объявила о начале антитеррористической операции, пространство Майдана сократилось до минимальных размеров, его обороняло всего несколько сотен человек, укрывавшихся за баррикадами из горящих автомобильных покрышек. Выстояв в ужасающих условиях — в это день погибло 25 человек, в том числе и несколько сотрудников милиции, — протестующие перешли 20 февраля в решающее наступление. Отряды милиции и внутренние войска были вытеснены с Майдана и прилегающих к нему улиц — Крещатика, Институтской, Грушевского и площади Европы. В этих столкновениях с обеих сторон применялось огнестрельное оружие, почти 70 человек было убито и несколько сотен ранено. Особенно тяжелые потери нанесли снайперы, которые вели огонь на поражение как по протестующим, так и по милицеским отрядам³⁶.

Кровопролитие такого масштаба в еще недавно мирной стране произвело на всех шокирующее впечатление, в особенности то обстоятельство, что под снайперский огонь

попали и медики, пытавшиеся оказывать помощь пострадавшим. К середине дня в отрядах милиции и внутренних войск началась паника, они оставляли занятые позиции и даже стали сдаваться под гарантии протестующих. Вечером Верховная рада приняла постановление, запрещающее применение любых видов оружия и специальных средств против граждан и прекращающее проведение антитеррористической операции. В этих условиях, когда победа, и военная, и в особенности моральная была уже одержана восставшим народом, на следующий день 21 февраля состоялось подписание соглашения между Януковичем и лидерами оппозиции при посредничестве Евросоюза и России «Об урегулировании политического кризиса в Украине»³⁷. Соглашение предусматривало возвращение Украины к конституции 2004 года, формирование правительства «народного доверия», проведение до конца 2014-го досрочных президентских выборов, а также вывод внутренних войск и спецподразделений милиции из центра Киева и разоружение оппозиции.

Кличко, который сообщил об условиях соглашения десяткам тысяч людей, собравшихся вечером на Майдане, был освистан. Ему не дали говорить разгневаннные протестующие, они кричали и указывали на гробы с телами погибших, поднесенными к самой сцене. Кульминацией вече стало внезапное появление на сцене неизвестного сотника, который при всеобщей поддержке потребовал немедленной отставки Януковича, пригрозив, что в противном случае в 10 часов утра следующего дня начнется штурм³⁸. Эта реакция Майдана, перехлестнувшая готовность оппозиции к компромиссу, стала решающей для дальнейшего развития событий. В ночь на 22 февраля Янукович бежал из Киева, а протестующие беспрепятственно взяли под свой контроль здания Верховной рады, кабинета министров, администрации президента и других правительственных

учреждений в Киеве. Режим пал, народная революция совершилась³⁹.

В какой мере ее результаты за прошедшие с тех пор два с лишним месяца совпадают с теми целями, которые с невиданным упорством и иногда ценою собственной и чужой жизни десятки и сотни тысяч людей отстаивали на Майдане? Этот вопрос может показаться праздным или неуместным в нынешней ситуации (середины мая 2014-го), когда Украина стала жертвой неприкрытой внешней агрессии со стороны России, которая оккупировала и аннексировала Крым и проводит целенаправленную политику дестабилизации на Востоке и Юге Украины, когда под угрозой оказалось само существование Украины как государства. Многие в Украине и не только в Украине полагают, что в чрезвычайной ситуации первоначальные цели Майдана — создание прозрачных государственных институтов, подконтрольных обществу — должны быть отложены до лучших времен. Главная цель сейчас это срочное воссоздание и укрепление государства любой ценой. «Мы очень ценим свободу слова, — говорит участник Майдана, украинский художник Борис Егизарян. — Мы очень ценим свободу личности... Но если мы потеряем наше государство и станем губернией России, у нас не будет ни свободы слова, ни свободы личности. Поэтому сегодня государство Украина должно быть для нас высшей ценностью»⁴⁰.

Трудно не признать эту логику убедительной. Однако история всех революций предельно однозначно свидетельствует о том, что «лучшие времена» для осуществления демократических реформ, как правило, так и не наступают. Окно возможностей после свержения старого режима открывается на очень короткий период и, не будучи использованными, эти возможности уже не реализуются. Между тем сила инерции, воспроизводящая старые институты и структуры

власти, традиционный тип ее взаимоотношений с обществом, — колоссальны. Майдан с предельной жесткостью поставил проблемы, общие для большинства протестных движений в современном мире. Как устранить разрыв между обществом и политической системой? Как соединить народное движение, народную революцию с политикой? Как избежать того, чтобы старые олигархические политические машины использовали общественный протест в своекорыстных целях? Поэтому представляется важным — и не только с теоретической точки зрения — попытаться понять, в какой мере сохраняется потенциал демократической трансформации институтов власти в Украине и каковы те факторы, которые работают против такой реформы.

Новое правительство Украины было представлено на народном вече, собравшемся на Майдане, 26 февраля и на следующий день утверждено Верховной радой. На ключевые посты — премьер-министра (Арсений Яценюк), первого вице-преьера, курирующего силовой блок (Виталий Ярема), министра внутренних дел (Арсен Аваков), министра юстиции (Павел Петренко) — были назначены представители партии «Батькивщина», а также беспартийные профессионалы. Менее важные посты получили представители Всеукраинского объединения «Свобода». Партия Виталия Кличко «Украинский демократический альянс за реформы» (УДАР) отказалась участвовать в формировании правительства. Несколько постов было предложено гражданским активистам Майдана: пост вице-преьера по гуманитарным вопросам (от которого она отказалась) Ольге Богомолец, врачу, координировавшему медицинскую помощь на Майдане, Татьяна Черновол стала уполномоченным по вопросам антикоррупционной политики, Егор Соболев — главой люстрационного комитета, лидер Автомайдана

Дмитрий Булатов — министром спорта и молодежи, Евгений Нишук — министром культуры. Само по себе утверждение правительства Майданом было призвано подчеркнуть решающую роль народного движения в смене власти. Однако очевидно, что это носило чисто символический характер: «вече» по своей природе не может определять распределение власти. Таким образом проявилось отсутствие гражданских структур представительства протестующих, которые, как уже отмечалось, так и не сложились за

принесла с собой очень серьезную проблему для новой власти. Исчезновение милиции с улиц украинских городов породило в конце февраля — начале марта волну насилия, самосуда и грабежей, совершавшихся «от имени и по поручению» революции, самообороны Майдана, «Правого сектора», национальной гвардии и т. д.⁴¹ Деморализованная падением режима Януковича милиция не могла с этим справиться; правоохранительные структуры оказались на стороне «проигравших», от них потребовалось в одночасье сменить лояль-

“История всех революций свидетельствует: «лучшие времена» для осуществления демократических реформ, как правило, так и не наступают”.

три месяца противостояния на Майдане. Парадоксальным образом слабая и маловлиятельная политическая оппозиция режиму Януковича оказалась способной легитимировать свою власть с помощью авторитета не контролируемого ею Майдана. Вчера еще всемогущий Майдан, сыгравший решающую роль в свержении авторитарного режима, в ключевой момент революции оказался бессильным — новая власть была установлена без его участия.

Напротив, руководители военизированной самообороны Майдана вошли в силовые структуры и даже возглавили их. Комендант Майдана Андрей Парубий занял пост секретаря Совета национальной безопасности и обороны Украины, его заместитель Андрей Левус стал заместителем председателя Службы безопасности Украины. Правда, лидер «Правого сектора» Ярош, претендовавший на пост вице-премьера по силовому блоку, никаких постов не получил. Структуры военной самообороны по определению не представляли собой политической альтернативы, они были созданы не для этого. Вместе с тем военная победа

ность в пользу тех сил, в которых они еще вчера видели своих противников.

Новое правительство Украины стремится интегрировать силы самообороны в вооруженные силы и вновь создаваемую Национальную гвардию. В начале мая Парубий отдал приказ о расформировании сотен самообороны, на их основе создаются специальные батальоны территориальной обороны. Это, скорее всего, позволит установить окончательный контроль над военной самоорганизацией народа, но не решает пока что проблему военной слабости новой власти, которая представляется одним из важнейших препятствий на пути ее демократической трансформации. В условиях внешней агрессии, выразившейся в захвате Россией Крыма, нарастающей дестабилизации и военного противостояния с пророссийскими вооруженными отрядами в Донецкой и Луганской областях, необходимо срочное формирование боеспособных частей армии, МВД, эффективных структур безопасности. Ничем из этого правительство Украины не располагает. Напротив, правоохранительные структуры коррумпированы, по-прежнему

остаются под контролем людей и олигархических кланов, связанных с режимом Януковича; в Киеве распространено мнение, что многие сотрудники украинских структур безопасности связаны с российскими спецслужбами. На Востоке Украины милиция и внутренние войска зачастую разделяют настроения тех, кто требует отделения от Украины, что не может не порождать хаоса, потери боеспособности и эффективности. Украинская армия, пограничники, на которых приходится основной удар проникаю-

ции стал один из крупнейших украинских предпринимателей Игорь Коломойский, его младший партнер Игорь Палица возглавил администрацию Одесской области, Сергей Тарута, контролирующий металлургическое производство в Донецкой области, назначен ее главой. Сиюминутная целесообразность таких управленческих решений в чрезвычайной ситуации понятна (по словам Михаила Жванецкого, «кто что имеет, тот то и охраняет»). Но они нисколько не способствуют становлению подотчетных обществу полити-

“Проведение досрочных парламентских выборов в условиях войны представляется еще более трудным, чем проведение выборов президентских”.

щих со стороны России вооруженных групп, в большинстве своем не готовы воевать и часто оставляют свои части, позволяя сепаратистам захватывать технику и вооружения⁴². Кроме того, на востоке военные сталкиваются с поистине экзистенциальной дилеммой: для того, чтобы победить, они должны стрелять в граждан собственной страны, как вооруженных, так и безоружных. Российские комментаторы, привычно издевающиеся над боевыми качествами украинской армии и МВД, перешагнули эту грань во время чеченских войн и не способны понять тех, кто за двадцать с лишним лет после распада СССР привык решать конфликты мирно.

Украинское государство слабое не только в военном отношении. Его административные структуры коррумпированы и подчинены частным интересам тех сил и кланов, которые экономически контролируют соответствующие регионы. Более того, тенденция к сращиванию власти и собственности, к полному слиянию экономического и политического контроля явно усилилась после свержения старого режима. Так, председателем Днепропетровской областной администра-

ческих институтов и, без сомнения, ведут в противоположном направлении.

Эта же проблема воспроизводится и на национальном политическом уровне: победитель президентских выборов 25 мая, предприниматель Петр Порошенко, является одним из богатейших людей Украины⁴³. На президентских выборах негласно противостояли друг другу два олигархических блока: Порошенко, согласно просочившимся в СМИ сведениям, поддерживали задержанный в Австрии олигарх, совладелец «Росукрэнерго», Дмитрий Фирташ и его бизнес-партнер, бывший глава администрации президента Януковича, Сергей Левочкин. На стороне проигравшей выборы Юлии Тимошенко был богатейший олигарх Украины, хозяин Донецкой области и бывший союзник Януковича, Ринат Ахметов. Как с горечью констатирует главный редактор газеты «Зеркало недели», «сейчас страна может уцелеть только в результате союза олигархов. Обновления политической системы, на которое все так надеялись, не произошло»⁴⁴.

Было бы неверно, однако, объяснять столь убедительную победу Порошенко только

союзом олигархов. За ней в равной мере крылись как надежды на обновление со стороны тех, кто стоял на Майдане или активно его поддерживал, так и стремление большинства граждан страны к восстановлению нормальной жизни. Порошенко стал наиболее приемлемой кандидатурой для самых разных слоев населения Украины. Он имеет большой опыт работы на государственных постах — занимал ведущие должности секретаря Совета национальной безопасности и обороны, председателя совета Национального банка и министра иностранных дел в администрации Ющенко. Порошенко поддерживал и спонсировал Майдан, он сыграл важную роль в предотвращении провокаций во время событий 1 декабря у администрации президента, он пользуется поддержкой на востоке Украины⁴⁵. В отличие от двух своих предшественников избранный президент представляет Центр Украины, а не ее Запад или Восток. Очень важно, что бизнес, принесший состояние Порошенко (производство конфет и кондитерских изделий), не связан с наиболее монополизированными и коррумпированными сферами олигархического контроля в Украине — металлургией, машиностроением или торговлей газом. Несомненно, что в чрезвычайных условиях он представляется оптимальной фигурой для поиска национального консенсуса и компромисса.

Юлия Тимошенко, главный конкурент Порошенко на этих выборах, потерпела самое сокрушительное за свою политическую карьеру поражение, набрав меньше 13 проц. голосов. Она потеряла поддержку во всех регионах Украины и в особенности в Киеве, где за нее проголосовали всего 4 проц. избирателей. Этот результат резко снижает вероятность того, что Тимошенко как лидер крупнейшей парламентской партии «Батькивщина» может претендовать на пост премьер-министра Украины. Такое развитие событий могло бы вновь вернуть страну к

ситуации 2005—2009 годов, когда противостояние премьер-министра Тимошенко и президента Ющенко сделало политическую ситуацию в стране патовой и не позволило провести необходимые реформы, которых требовал Майдан образца 2004-го. Очевидно, что важнейшей политической проблемой в этой ситуации становятся досрочные выборы в Верховную раду. Во время избирательной кампании оба ведущих кандидата призывали к их проведению уже в этом году. По мнению украинских аналитиков, бесспорных конституционных оснований для проведения досрочных парламентских выборов сейчас нет⁴⁶. Однако очевидно и то, что нынешний состав парламента несет ответственность за события зимы—весны 2014-го в Киеве и не отражает сложившуюся в стране расстановку сил⁴⁷. Для Порошенко досрочные парламентские выборы — это возможность создать собственную парламентскую фракцию, которой он сейчас не располагает; для Тимошенко — оставшийся шанс на возвращение в большую политику, может быть, в качестве спикера Верховной рады, если «Батькивщина» получит большинство.

Проведение досрочных парламентских выборов в условиях фактической войны представляется еще более трудным, чем проведение выборов президентских. В Донецкой и Луганской областях проживает 15 проц. населения страны, их неучастие в парламентских выборах означало бы не только отсутствие их представительства в Верховной Раде, но и дальнейшую утрату контроля над этими областями со стороны центральной власти. Поэтому военная победа над сепаратистами становится условием проведения тех реформ политической системы, за которые выступал Майдан и о которых говорил Порошенко в ночь победы на выборах. При этом очевидно, что, вопреки заявлению Порошенко, покончить с конфликтом на Востоке в течение нескольких часов, а не

месяцев, не удастся. Несмотря на то что конфликт подогревается Россией, способствующей проникновению вооруженных групп российских граждан на территорию Донецкой и Луганской областей, несмотря на то, что только 30 проц. населения этих областей поддерживали в апреле их отделение от Украины⁴⁸, это противостояние, несомненно, имеет характер гражданской войны, которая, единожды начавшись, приобретает собственную логику⁴⁹.

Сильное государство, необходимое сейчас Украине, чтобы выстоять, — это, прежде всего, государство, пользующееся доверием населения. Реформы — единственный, хотя и небезопасный, путь для завоевания этого доверия. Можно ли проводить их в условиях войны, когда, как говорит министр внутренних дел Украины Аваков, «ситуация становится черно-белой. Оттенки уходят в сторону. Другого не дано — иначе страна превратится в пылающую буферную зону, где смерть станет нормой, а жить придется на руинах экономики и гражданских прав»⁵⁰. Кто может провести эти реформы, используя открывшееся окно возможностей? Как создать действующие демократические институты в бедной, отсталой стране, раздираемой разжигаемым извне конфликтом? Как пройти между олигархией и охлократией? Все эти и многие другие вопросы остаются открытыми.

Совершенно очевидно, что препятствий на пути демократической трансформации институтов власти в Украине гораздо больше, чем факторов, к ней подталкивающих. Однако среди последних остается мощнейший — это сила гражданского общества в Украине и громадный потенциал того движения, которое вывело людей на Майдан и привело его к победе. О том, что этот потенциал сохраняется, говорит, в частности, деятельность активистов «Общественного сектора», добивающихся того, чтобы уже в действующем парламенте были поставлены

на рассмотрение законопроекты, направленные на борьбу с коррупцией, децентрализацию, административную реформу, реформу судебной системы и органов правопорядка. В активе этого движения несколько важных законов, принятых Верховной радой после смены власти, — закон о госзакупках, обязывающий предприятия обнародовать соответствующую информацию; закон, гарантирующий доступ к публичной информации; закон о люстрации судей, позволяющий обновить высшие юридические инстанции. С другой стороны, законопроект, который открывает доступ к реестру недвижимого имущества и тем самым делает подотчетными обществу тех, кто идет во власть, был провален в парламенте. При этом гражданские активисты, которые этим занимаются, отчетливо понимают, что «реформы — это инструмент объединения страны. Потому что у нас, как на востоке, так и на западе — одни и те же проблемы: коррупция в ЖЭКах, городских больницах, детских садах, проблема милиции, которая бьет, проблема суда, который требует взятки»⁵¹. Одновременно руководство Украины — и.о. президента Турчинов и премьер-министр Яценюк объявили о проведении общеукраинских круглых столов, призванных сформировать общенациональный консенсус по главным проблемам — децентрализации власти, реформе местного самоуправления, обеспечения баланса между ветвями власти, обеспечения расширенных гарантий защиты прав национальных меньшинств, реформе правоотношений между государством и обществом, включая реформирование судебной и правоохранительной системы. Выработанные с привлечением самого широкого круга участников предложения должны быть затем внесены в Верховную раду для принятия изменений в Конституции и законодательстве Украины⁵².

До сих пор Украина плохо использовала возможности, которые открылись перед ней

и после получения независимости в 1991-м, и после «оранжевой революции» в 2004-м⁵³. Быть может, на этот раз изменение власти и общества и взаимоотношений между ними не останутся «великой иллюзией» украинской

революции; а российская власть, главный душитель и разрушитель ее демократического потенциала, поймет, в конце концов, что в Украине ей противостоит сильнейший духом противник. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ В конце января 2014 года примерно половина жителей Украины поддерживала Майдан, столько же воспринимала его отрицательно. Если на северо-западе страны Майдан поддерживали 70 проц. опрошенных и 25 проц. выступали против, то на юго-востоке наоборот – 21 проц. и 73 проц. соответственно. См.: *Паниотто В.* Майдан: Взгляд с Юго-Востока (<http://www.capital.ua/ru/publication/13648-maydan-vzglyad-s-yugo-vostoka>).

² *Мостовая Ю.* (главный редактор газеты «Зеркало недели»). Выступление в Московском Центре Карнеги. 17.02.2014.

³ *Naim M.* Muchas protestas, pocos cambios // El país. 29.03.2014.

⁴ *Пилинский Я.* Майдан не рассосется // <http://grani.ru/blogs/free/entries/224451.html>

⁵ Хотя, как отмечает Ярослав Пилинский, «давление на предпринимателей несколько уменьшилось, а «цена вопроса» перестала быть ценой жизни» (Там же).

⁶ Подробно см.: *Касьянов Г.* Голодомор и строительство нации // Pro et Contra. №3-4 (46), май–авг. 2009. С. 24–42.

⁷ Украина – одна из самых бедных стран Европы. ВВП на душу населения по паритету покупательной способности в Украине в 2012-м составлял 7 180 долларов. В самых бедных странах ЕС этот показатель более чем в два раза превышал украинский уровень и составлял 17 650 дол. в Румынии и 15 450 дол. в Болгарии. Украина отставала по уровню душевого ВВП даже от Сербии (11 430 дол.) и Боснии и Герцеговины (9 650 дол.), обгоняя только Молдову (3 630 дол.) Для сравнения – в Российской Федерации ВВП на душу населения по паритету покупательной способности составлял 22 800 долларов (См.: World Development Indicators. 2014. World Bank // <http://wdi.worldbank.org/table/1.1>).

⁸ http://echo.msk.ru/azar_i/1304646-echo/

⁹ Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? Киевский международный институт социоло-

логии. 6.02.2014 (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=1&y=2014&m=2>).

¹⁰ При этом уровень недоверия Януковичу существенно различался в четырех регионах Украины: ему не доверяли 86 проц. на западе, 79 проц. в центре, 57 проц. на юге и 42 проц. на востоке страны. Восток был единственным регионом, где доля доверяющих Януковичу (56 проц.), превышала долю не доверяющих. См.: *Паниотто В.* Власть и сейчас имеет возможность прекратить наступление и продолжить переговоры: Интервью // Экономические известия. 20.02.2014 (<http://politika.eizvestia.com/full/835-vladimir-paniotto-vlast-i-sejchas-imeet-vozmozhnost-prekratit-nastuplenie-i-prodolzhit-peregovory>).

¹¹ *Паниотто В.* Украина: Евромайдан // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. № 3-4 (116), июль–дек. 2013. С. 17.

¹² При этом в Западном и Центральном регионах сторонников вступления в ЕС в ноябре 2013 года было значительно больше, чем сторонников вступления в Таможенный союз (86 проц. против 14 проц. и 61 проц. против 39 процентов). В Южном и Восточном регионах сторонников вступления в Таможенный союз было значительно больше, чем сторонников вступления в ЕС – 64 проц. против 36 проц. и 81 проц. против 19 процентов (Там же. С. 21).

¹³ Объединиться с Россией в одно государство хотело бы лишь 9 проц. населения (Там же. С. 21).

¹⁴ Как сказал на Конгрессе «Украина – Россия: диалог» один из участников этих событий: «Нас не просто били, нас убивали». Десять человек из них до сих пор числятся пропавшими без вести.

¹⁵ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

¹⁶ Там же.

¹⁷ *Вятрович В.* Длинная дорога к свободе // Зеркало недели. № 5. 14–21 февр. 2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/dlinnaya-doroga-k-svobode_.html).

¹⁸ «Мы видим в Украине подтверждение... глобальной тенденции, которая заключается в том, что общественный протест опережает консолидацию оппозиции. Более того, общественный взрыв застает оппозицию врасплох, как это произошло в самых разных странах — от Турции до Бразилии, от Болгарии до Таиланда» // *Шевцова Л.* Украина: Драма продолжается (<http://ej.ru/?a=note&id=24432>).

¹⁹ *Олейник А.* Киевская «сечь» сменила власть, сможет ли сменить модель управления? // *Ведомости.* 24.02.2014.

²⁰ См.: Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²¹ К первым относились отряды Партии «Свобода», «Правого сектора», «Общего дела» («Спільна справа»), ко вторым — Общественный сектор Майдана, «Відсіч» («Отпор»), объединявшие сторонников ненасильственного сопротивления.

²² *Вятрович В.* Указ. соч.

²³ Полицейские законы 16 января включали введение уголовной ответственности за изготовление, хранение и распространение «экстремистских» материалов, возвращение уголовной ответственности за «клевету», которое фактически означало запрет на любую информацию о деятельности силовых структур в СМИ; упрощение процедуры снятия парламентской неприкосновенности как способ борьбы с оппозиционными депутатами; принудительную регистрацию в качестве «иностранных агентов» для общественных организаций, получающих финансирование из-за рубежа; ужесточение правил проведения массовых акций, запрещающих, в частности, ношение масок и касок и вводящих уголовную ответственность за массовые нарушения общественного порядка; ужесточение ответственности за призыв к «свержению строя». См.: *Рахманин С.* У страха права велики // *Зеркало недели.* № 1. 17.01.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/u-straha-prava-veliki_.html).

²⁴ На конец апреля 2014 года ничего не было известно о судьбе 120 человек, исчезнувших в Киеве с декабря 2013-го по февраль 2014-го.

²⁵ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²⁶ *Вятрович В.* Указ. соч.

²⁷ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

²⁸ *Левус А.* Мы чувствуем себя Украинской повстанческой армией XXI века. 12.04.14 (<http://4vlada.net/partii-lidery/my-chuvstvuem-sebya-ukrainskoi-povstancheskoj-armicii-khkh-veka-komandir-samooborony-ma>).

²⁹ Там же. Об этом же говорил автору на Конгрессе «Украина — Россия: Диалог» командир еврейской сотни Майдана Натан Хазин. По его словам, даже во время самых жестоких боев на Майдане не существовало централизованного командования сотнями: каждый командир сам знал, что ему делать.

³⁰ *Мусафирова О.* Украина сейчас напоминает ничейную страну // *Новая газета.* 19.02.2014.

³¹ Там же.

³² См., например: *Зисельс И.* Евреи и Евромайдан (<http://east-blog.de/allgemein-ru/2014/03>).

³³ По свидетельству одного из участников, «Майдан состоял четко из двух частей — одни люди вышли за национальную идею «Украина по над все», а другие за общечеловеческие ценности против диктатуры с лозунгом «Права людини по над все». Мы ходили четко двумя колоннами — кто кого перекричит, либералы или националисты» (*Азар И.* Карательная операция или провокация третьей стороны? // http://echo.msk.ru/blog/azar_i/1314634-echo/).

³⁴ Киевский международный институт социологии. Майдан-декабрь и Майдан-февраль: Что изменилось? (<http://www.kiis.com.ua/?lang=rus&cat=reports&id=226&page=2>).

³⁵ Там же.

³⁶ Личности и принадлежность этих снайперов до сих пор не выяснены. Новое руководство Украины объявило, что расстрел велся бойцами спецподразделения «Беркут» по приказу бывшего главы СБУ Якименко и министра внутренних дел Захарченко. Последние, а также бывший президент Янукович утверждают, что не отдавали таких приказов, и возлагают ответственность на повстанцев, поскольку наиболее сильный снайперский огонь велся с высотного здания гостиницы «Украина», которое в этот момент было занято отрядами самообороны. Прояснение этого вопроса представляется очень важным, во-первых, потому что ответственные за столь хладнокровное

и преднамеренное кровопролитие должны непременно понести наказание, а во-вторых, потому, что от этого зависит оценка произошедшего. Были ли эти убийства отчаянной попыткой рушащегося режима запугать протестующих или же какие-то силы рассчитывали, что после такого кровопролития протестующие уже не перед чем не остановятся, пока не свергнут режим окончательно.

³⁷ Специальный представитель президента РФ Владимир Лукин отказался поставить свою подпись под соглашением, что делает юридически несостоятельным требование российских официальных лиц соблюдать его.

³⁸ Владимир Парасюк, «сотник, переживший ход истории», представляет собой достаточно типичную для протестного движения фигуру. 26-летний выпускник Львовского университета сказал в интервью «Украинской правде»: «Я был членом студенческого братства во Львове, военную подготовку получал в хороших лагерях различных организаций, которые обучали духу украинства. Нас учили и рукопашным боям, и стрельбе из пневматического оружия, с официальным разрешением также учили стрелять из огнестрельного оружия в тирах. Также я был членом Конгресса украинских националистов, там была боевая рефертура. В лагерях я узнал историческую правду о событиях в Украине, о 20-х годах, о голодоморе в Украине». В то же время он отрицал принадлежность к какой-либо политической организации, в том числе к «Правому сектору» (Украинская правда. 24.02.2014). См.: <http://www.pravda.com.ua/rus/articles/2014/02/24/7016048/>

³⁹ Очень важные события, происходившие в декабре 2013 – феврале 2014-го в других городах Украины требуют отдельного рассмотрения и остаются за рамками данной статьи.

⁴⁰ *Егизарян Б.* Чтобы Киев 2014-го не превратился в Варшаву 1920-го // Украинская правда. 19.04.2014. См.: <http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/04/19/7022925/>

⁴¹ Были, в частности, совершены нападения на дома представителей политической элиты (П. Симоненко, И. Калетника, А. Ключева). В ряде реги-

онов люди с символикой самообороны пытались отбирать бизнес и грабить предпринимателей. Большинство этих случаев было, скорее всего, делом рук обычных преступников, воспользовавшихся ситуацией безвластия. См.: *Ведерникова И.* Время собирать камни. И биты // Зеркало недели. № 7. 28.02.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/vremya-sobirat-kamni-i-bity_.html).

⁴² *Шеремет П.* Между стыдом и катастрофой (<http://www.pravda.com.ua/rus/columns/2014/06/4/7028026/>).

⁴³ Порошенко набрал 54,7 проц. голосов избирателей и стал президентом Украины в результате первого тура голосования.

⁴⁴ The Economist. 2014. Apr. 12. P. 20.

⁴⁵ *Паниотто В., Хмелько В.* Восток Украины: Социология страхов // Радио Свобода. 08.05.2014 (<http://www.svoboda.org/content/transcript/25376829.html>).

⁴⁶ *Рахманин С.* А теперь – парламент! Мы сказали: парламент! // Зеркало недели. № 19. 30.05.2014 (http://zn.ua/columnists/a-terep-parlament-my-skazali-parlament-146448_.html).

⁴⁷ Кандидат Партии регионов, имеющей в нынешнем составе Верховной рады формальное большинство, набрал всего 3 проц. голосов.

⁴⁸ *Ведерникова И., Мостовая Ю., Рахманин С.* Юго-Восток: Ветвь дерева нашего // Зеркало недели. № 14. 18 апр. 2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/yugo-vostok-vetv-dreva-nashego_.html).

⁴⁹ *Шибалов Е.* Прививка от шапкозакидательства // Зеркало недели. № 20. 6.06.2014 (http://gazeta.zn.ua/internal/privivka-ot-shapkozakidatelstva_.html).

⁵⁰ <http://echo.msk.ru/blog/echomsk/1316864-echo/>

⁵¹ *Рингис А.* Двигатель прогресса: кто пишет украинские реформы // Украинская правда. 08.05.2014 (<http://life.pravda.com.ua/person/2014/05/8/167499/>).

⁵² http://zn.ua/POLITICS/turchinov-i-yacenyuk-iniciiruyut-provedenie-obscheukrainskih-kruglyh-stolov-144696_.html

⁵³ The Economist. 2014. May 31.